

Фауст

Краткое содержание трагедии

Трагедия открывается тремя вступительными текстами. Первый — это лирическое посвящение друзьям молодости — тем, с кем автор был связан в начале работы над «Фаустом» и кто уже умер или находится вдали. «Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный, опять припоминаю благодарно».

Затем следует «Театральное вступление». В беседе Директора театра, Поэта и Комического актёра обсуждаются проблемы художественного творчества. Должно ли искусство служить праздной толпе или быть верным своему высокому и вечному назначению? Как соединить истинную поэзию и успех? Здесь, так же как и в Посвящении, звучит мотив быстротечности времени и безвозвратно утраченной юности, питающей творческое вдохновение. В заключение Директор даёт совет решительнее приступить к делу и добавляет, что в распоряжении Поэта и Актера все достижения его театра. «В дощатом этом балагане вы можете, как в мирозданье, пройти все ярусы подряд, сойти с небес сквозь землю в ад».

Обозначенная в одной строке проблематика «небес, земли и ада» развивается в «Прологе на небе» — где действуют уже Господь, архангелы и Мефистофель, Архангелы, поющие славу деяниям Бога, умолкают при появлении Мефистофеля, который с первой же реплики — «К тебе попал я, Боже, на прием...» — словно завораживает своим скептическим обаянием. В разговоре впервые звучит имя Фауста, которого Бог приводит в пример как своего верного и наиусердного раба. Мефистофель соглашается, что «этот эскулап» «и рвётся в бой, и любит брать преграды, и видит цель, манящую вдали, и требует у неба звёзд в награду и лучших наслаждений у земли», — отмечая противоречивую двойственную натуру учёного. Бог разрешает Мефистофелю подвергнуть Фауста любым искушениям, низвести его в любую бездну, веря, что чутье выведет Фауста из тупика. Мефистофель, как истинный дух отрицания, принимает спор, обещая заставить Фауста пресмыкаться и «жрать <.-> прах от башмака». Грандиозная по масштабу борьба добра и зла, великого и ничтожного, возвышенного и низменного начинается.

...Тот, о ком заключён этот спор, проводит ночь без сна в тесной готической комнате со сводчатым потолком. В этой рабочей келье за

долгие годы упорного труда Фауст постиг всю земную премудрость. Затем он дерзнул посягнуть на тайны сверхъестественных явлений, обратился к магии и алхимии. Однако вместо удовлетворения на склоне лет он чувствует лишь душевную пустоту и боль от тщеты содеянного. «Я богословьем овладел, над философией корпел, юриспруденцию долбил и медицину изучил. Однако я при этом всем был и остался дураком» — так начинает он свой первый монолог. Необыкновенный по силе и глубине ум Фауста отмечен бесстрашием перед истиной. Он не обольщается иллюзиями и потому с беспощадностью видит, сколь ограничены возможности знания, как несоизмеримы загадки мироздания и природы с плодами научного опыта. Ему смешны похвалы помощника Вагнера. Этот педант готов прилежно грызть гранит науки и корпеть над пергаменатами, не задумываясь над краеугольными проблемами, мучающими Фауста. «Всю прелесть чар рассеет этот скучный, несносный, ограниченный школяр!» — в сердцах говорит о Вагнере учёный. Когда Вагнер в самонадеянной глупости изрекает, что человек дорос до того, чтоб знать ответ на все свои загадки, раздражённый Фауст прекращает беседу. Оставшись один, учёный вновь погружается в состояние мрачной безысходности. Горечь от осознания того, что жизнь прошла в прахе пустых занятий, среди книжных полок, склянок и реторт, приводит Фауста к страшному решению — он готовится выпить яд, чтобы покончить с земной долей и слиться со вселенной. Но в тот миг, когда он подносит к губам отравленный бокал, раздаются колокольный звон и хоровое пение. Идёт ночь Святой Пасхи, Благовест спасает Фауста от самоубийства. «Я возвращён земле, благодаренье за это вам, святые песнопенья!»

Наутро вдвоём с Вагнером они вливаются в толпу праздничного народа, Все окрестные жители почитают Фауста: и он сам, и его отец без устали лечили людей, спасая их от тяжких болезней. Врача не пугала ни моровая язва, ни чума, он, не дрогнув, входил в заражённый барак. Теперь простые горожане и крестьяне кланяются ему и уступают дорогу. Но и это искреннее признание не радует героя. Он не переоценивает собственных заслуг. На прогулке к ним прибивается чёрный пудель, которого Фауст затем приводит к себе домой. Стремясь побороть безволие и упадок духа, овладевшие им, герой принимается за перевод Нового Завета. Отвергая несколько вариантов начальной строки, он останавливается на толковании греческого «логос» как «дело», а не «слово», убеждаясь: «В начале было дело», — стих гласит. Однако собака отвлекает его от занятий.

И наконец она оборачивается Мефистофелем, который в первый раз предстаёт Фаусту в одежде странствующего студента.

На настороженный вопрос хозяина об имени гость отвечает, что он «часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла». Новый собеседник, в отличие от унылого Вагнера, ровня Фаусту по уму и силе прозрения. Гость снисходительно и едко посмеивается над слабостями человеческой природы, над людским уделом, словно проникая в самую сердцевину терзаний Фауста. Заинтриговав учёного и воспользовавшись его дремотой, Мефистофель исчезает. В следующий раз он появляется нарядно одетым и сразу предлагает Фаусту рассеять тоску. Он уговаривает старого отшельника облачиться в яркое платье и в этой «одежде, свойственной повесам, изведать после долгого поста, что означает жизни полнота». Если предложенное наслаждение захватит Фауста настолько, что он попросит остановить мгновенье, то он станет добычей Мефистофеля, его рабом. Они скрепляют сделку кровью и отправляются в странствия — прямо по воздуху, на широком плаще Мефистофеля...

Итак, декорациями этой трагедии служат земля, небо и ад, её режиссёры — Бог и дьявол, а их ассистенты — многочисленные духи и ангелы, ведьмы и бесы, представители света и тьмы в их бесконечном взаимодействии и противоборстве. Как притягателен в своём насмешливом всеисилии главный искуситель — в золотом камзоле, в шляпе с петушиным пером, с задрапированным копытом на ноге, отчего он слегка хромает! Но и спутник его, Фауст, под стать — теперь он молод, красив, полон сил и желаний. Он отведал зелья, сваренного ведьмой, после чего кровь его закипела. Он не знает более колебаний в своей решимости постичь все тайны жизни и стремлении к высшему счастью.

Какие же соблазны приготовил бесстрашному экспериментатору его хромоногий компаньон? Вот первое искушение. Она зовётся Маргарита, или Гретхен, ей идет пятнадцатый год, и она чиста и невинна, как дитя. Она выросла в убогом городке, где у колодца кумушки судачат обо всех и все. Они с матерью похоронили отца. Брат служит в армии, а младшая сестрёнка, которую Гретхен вынянчила, недавно умерла. В доме нет служанки, поэтому все домашние и садовые дела на её плечах. «Зато как сладок съеденный кусок, как дорог отдых и как сон глубок!» Эту вот бесхитростную душу суждено было смутить премудрому Фаусту. Встретив девушку на улице, он вспыхнул к ней безумной страстью. Сводник-дьявол

немедленно предложил свои услуги — и вот уже Маргарита отвечает Фаусту столь же пламенной любовью. Мефистофель подначивает Фауста довести дело до конца, и тот не может противиться этому. Он встречается с Маргаритой в саду. Можно лишь догадываться, какой вихрь бушует в её груди, как безмерно её чувство, если она — до того сама праведность, кротость и послушание — не просто отдаётся Фаусту, но и усыпляет строгую мать по его совету, чтобы та не помешала свиданиям.

Почему так влечёт Фауста именно эта простолюдинка, наивная, юная и неискушённая? Может быть, с ней он обретает ощущение земной красоты, добра и истины, к которому прежде стремился? При всей своей неопытности Маргарита наделена душевной зоркостью и безупречным чувством правды. Она сразу различает в Мефистофеле посланца зла и томится в его обществе. «О, чуткость ангельских догадок!» — роняет Фауст.

Любовь дарит им ослепительное блаженство, но она же вызывает цепь несчастий. Случайно брат Маргариты Валентин, проходя мимо её окна, столкнулся с парой «ухажеров» и немедленно бросился драться с ними. Мефистофель не отступил и обнажил шпагу. По знаку дьявола Фауст тоже ввязался в этот бой и заколол брата возлюбленной. Умирая, Валентин проклял сестру-гуляку, предав её всеобщему позору. Фауст не сразу узнал о дальнейших её бедах. Он бежал от расплаты за убийство, поспешив из города вслед за своим вожатым. А что же Маргарита? Оказывается, она своими руками невольной умертвила мать, потому что та однажды не проснулась после сонного зелья. Позже она родила дочку — и утопила её в реке, спасаясь от мирского гнева. Кара не миновала её — брошенная возлюбленная, заклеимённая как блудница и убийца, она заточена в тюрьму и в колодках ожидает казни.

Её любимый далеко. Нет, не в её объятиях он попросил мгновенье повременить. Сейчас вместе с неотлучным Мефистофелем он мчится не куда-нибудь, а на сам Брокен, — на этой горе в Вальпургиеву ночь начинается шабаш ведьм. Вокруг героя царит истинная вакханалия — мимо проносятся ведьмы, перекликаются бесы, кикиморы и черти, все объято разгулом, дразнящей стихией порока и блуда. Фауст не испытывает страха перед кишасей повсюду нечистью, которая являет себя во всем многоголосом откровении бесстыдства. Это захватывающий дух бал сатаны. И вот уже Фауст выбирает здесь красотку помоложе, с которой пускается в пляс. Он оставляет её лишь тогда, когда из её рта неожиданно

выпрыгивает розовая мышь. «Благодари, что мышка не сера, и не горюй об этом так глубоко», — снисходительно замечает на его жалобу Мефистофель.

Однако Фауст не слушает его. В одной из теней он угадывает Маргариту. Он видит её заточенной в темнице, со страшным кровавым рубцом на шее, и холодеет. Бросаясь к дьяволу, он требует спасти девушку. Тот возражает: разве не сам Фауст явился её соблазнителем и палачом? Герой не желает медлить. Мефистофель обещает ему наконец усыпить стражников и проникнуть в тюрьму. Вскочив на коней, двое заговорщиков несутся назад в город. Их сопровождают ведьмы, чующие скорую смерть на эшафоте.

Последнее свидание Фауста и Маргариты — одна из самых трагических и проникновенных страниц мировой поэзии.

Испившая все беспредельное унижение публичного позора и страдания от совершенных ею грехов, Маргарита лишилась рассудка. Простоволосая, босая, она поёт в заточении детские песенки и вздрагивает от каждого шороха. При появлении Фауста она не узнает его и съёживается на подстилке. Он в отчаянье слушает её безумные речи. Она лепечет что-то о загубленном младенце, умоляет не вести её под топор. Фауст бросается перед девушкой на колени, зовёт её по имени, разбивает её цепи. Наконец она сознает, что перед нею Друг. «Ушам поверить я не смею, где он? Скорей к нему на шею! Скорей, скорей к нему на грудь! Сквозь мрак темницы неутешный, сквозь пламя адской тьмы кромешной, и улюлюканье и вой...»

Она не верит своему счастью, тому, что спасена. Фауст лихорадочно торопит её покинуть темницу и бежать. Но Маргарита медлит, жалобно просит приласкать её, упрекает, что он отвык от неё, «разучился целоваться»... Фауст снова тербит её и закликает поспешить. Тогда девушка вдруг начинает вспоминать о своих смертных грехах — и безыскусная простота её слов заставляет Фауста холодеть от ужасного предчувствия. «Усыпила я до смерти мать, дочь свою утопила в пруду. Бог думал её нам на счастье дать, а дал на беду». Прерывая возражения Фауста, Маргарита переходит к последнему завету. Он, её желанный, должен обязательно остаться в живых, чтобы выкопать «лопатой три ямы на склоне дня: для матери, для брата и третью для меня. Мою копай сторонкой, невдалеке клади и приложи ребёнка тесней к моей груди». Маргариту опять начинают преследовать образы погибших по её

вине — ей мерещится дрожащий младенец, которого она утопила, сонная мать на пригорке... Она говорит Фаусту, что нет хуже участи, чем «шататься с совестью больной», и отказывается покинуть темницу. Фауст порывается остаться с нею, но девушка гонит его. Появившийся в дверях Мефистофель торопит Фауста. Они покидают тюрьму, оставляя Маргариту одну. Перед уходом Мефистофель бросает, что Маргарита осуждена на муки как грешница. Однако голос свыше поправляет его: «Спасена». Предпочтя мученическую смерть, Божий суд и искреннее раскаяние побегу, девушка спасла свою душу. Она отказалась от услуг дьявола.

В начале второй части мы застаём Фауста, забывшегося на зелёном лугу в тревожном сне. Летучие лесные духи дарят покой и забвение его истерзанной угрызениями совести душе. Через некоторое время он просыпается исцелённый, наблюдая восход солнца. Его первые слова обращены к ослепительному светилу. Теперь Фауст понимает, что несоразмерность цели возможностям человека может уничтожить, как солнце, если смотреть на него в упор. Ему милей образ радуги, «которая игрою семицветной изменчивость возводит в постоянство». Обретя новые силы в единении с прекрасной природой, герой продолжает восхождение по крутой спирали опыта.

На этот раз Мефистофель приводит Фауста к императорскому двору. В государстве, куда они попали, царит разлад по причине оскудения казны. Никто не знает, как поправить дело, кроме Мефистофеля, выдавшего себя за шута. Искуситель развивает план пополнения денежных запасов, который вскоре блестяще реализует. Он пускает в обращение ценные бумаги, залогом которых объявлено содержание земных недр. Дьявол уверяет, что в земле множество золота, которое рано или поздно будет найдено, и это покроет стоимость бумаг. Одураченное население охотно покупает акции, «и деньги потекли из кошелька к виноторговцу, в лавку мясника. Полмира запило, и у портного другая половина шьёт обновы». Понятно, что горькие плоды аферы рано или поздно скажутся, но пока при дворе царит эйфория, устраивается бал, а Фауст как один из чародеев пользуется невиданным почётом.

Мефистофель вручает ему волшебный ключ, дающий возможность проникнуть в мир языческих богов и героев. Фауст приводит на бал к императору Париса и Елену, олицетворяющих мужскую и женскую красоту. Когда Елена появляется в зале, некоторые из присутствующих дам делают в её адрес критические замечания. «Стройна, крупна. А голова — мала... Нога несоразмерно тяжела...»

Однако Фауст всем существом чувствует, что перед ним заветный в своём совершенстве духовный и эстетический идеал. Слепящую красоту Елены он сравнивает с хлынувшим потоком сиянья. «Как мир мне дорог, как впервые полон, влекущ, доподлинен, неизглаголан!» Однако его стремление удержать Елену не даёт результата. Образ расплывается и исчезает, раздаётся взрыв, Фауст падает наземь.

Теперь герой одержим идеей найти прекрасную Елену. Его ждёт долгий путь через толщи эпох. Этот путь пролегает через его бывшую рабочую мастерскую, куда перенесёт его в забытии Мефистофель. Мы вновь встретимся с усердным Вагнером, ожидающим возвращения учителя. На сей раз учёный педант занят созданием в колбе искусственного человека, твёрдо полагая, что «прежнее детей прижитье — для нас нелепость, сданная в архив». На глазах усмехающегося Мефистофеля из колбы рождается Гомункул, страдающий от двойственности собственной природы.

Когда наконец упорный Фауст разыщет прекрасную Елену и соединится с нею и у них родится ребёнок, отмеченный гениальностью — Гете вложил в его образ черты Байрона, — контраст между этим прекрасным плодом живой любви и несчастным Гомункулом выявится с особой силой. Однако прекрасный Эвфорион, сын Фауста и Елены, недолго проживёт на земле. Его манят борьба и вызов стихиям. «Я не зритель посторонний, а участник битв земных», — заявляет он родителям. Он уносится ввысь и исчезает, оставляя в воздухе светящийся след. Елена обнимает на прощанье Фауста и замечает: «На мне сбывается реченье старое, что счастье с красотой не уживается...» В руках у Фауста остаются лишь её одежды — телесное исчезает, словно знаменуя преходящий характер абсолютной красоты.

Мефистофель в семимильных сапогах возвращает героя из гармоничной языческой античности в родное средневековье. Он предлагает Фаусту различные варианты того, как добиться славы и признания, однако тот отвергает их и рассказывает о собственном плане. С воздуха он заметил большой кусок суши, которую ежегодно затопляет морской прилив, лишая землю плодородия, Фаустом владеет идея построить плотину, чтобы «любой ценою у пучины кусок земли отвоевать». Мефистофель, однако, возражает, что пока надо помочь их знакомому императору, который после обмана с ценными бумагами, пожив немного всласть, оказался перед угрозой потери трона. Фауст и Мефистофель возглавляют военную

операцию против врагов императора и одерживают блестящую победу.

Теперь Фауст жаждет приступить к осуществлению своего заветного замысла, однако ему мешает пустяк. На месте будущей плотины стоит хижина старых бедняков — Филемона и Бавкиды. Упрямые старики не желают поменять своё жилище, хотя Фауст и предложил им другой кров. Он в раздражённом нетерпении просит дьявола помочь справиться с упрямыми. В результате несчастную чету — а вместе с ними и заглянувшего к ним гостя-странника — постигает безжалостная расправа. Мефистофель со стражниками убивают гостя, старики умирают от потрясения, а хижина занимается пламенем от случайной искры. Испытывая в очередной раз горечь от непоправимости случившегося, Фауст восклицает: «Я мену предлагал со мной, а не насилье, не разбой. За глухоту к моим словам проклятье вам, проклятье вам!»

Он испытывает усталость. Он снова стар и чувствует, что жизнь опять подходит к концу. Все его стремленья сосредоточены теперь в достижении мечты о плотине. Его ждёт ещё один удар — Фауст слепнет. Его объемлет ночная тьма. Однако он различает стук лопат, движение, голоса. Им овладевает неистовая радость и энергия — он понимает, что заветная цель уже брезжит. Герой начинает отдавать лихорадочные команды: «Вставайте на работу дружным скопом! Рассыпьте цепью, где я укажу. Кирки, лопаты, тачки землекопам! Выравнивайте вал по чертежу!»

Незрячему Фаусту невдомёк, что Мефистофель сыграл с ним коварную штуку. Вокруг Фауста копошатся в земле не строители, а лемуры, злые духи. По указке дьявола они роют Фаусту могилу. Герой между тем исполнен счастья. В душевном порыве он произносит последний свой монолог, где концентрирует обретённый на трагическом пути познания опыт. Теперь он понимает, что не власть, не богатство, не слава, даже не обладание самой прекрасной на земле женщиной дарует подлинно высший миг существования. Только общее деяние, одинаково нужное всем и осознанное каждым, может придать жизни высшую полноту. Так протягивается смысловой мост к открытию, сделанному Фаустом ещё до встречи с Мефистофелем: «В начале было дело». Он понимает, «лишь тот, кем бой за жизнь изведен, жизнь и свободу заслужил». Фауст произносит сокровенные слова о том, что он переживает свой высший миг и что «народ свободный на земле свободной» представляется ему такой грандиозной картиной, что он мог бы

остановить это мгновение. Немедленно жизнь его прекращается. Он падает навзничь. Мефистофель предвкушает момент, когда по праву завладеет его душой. Но в последнюю минуту ангелы уносят душу Фауста прямо перед носом дьявола. Впервые Мефистофелю изменяет самообладание, он неистовствует и проклинает сам себя.

Душа Фауста спасена, а значит, его жизнь в конечном счёте оправдана. За гранью земного существования его душа встречается с душой Гретхен, которая становится его проводником в ином мире.

...Гете закончил «Фауста» перед самой смертью. «Образуюсь, как облако», по словам писателя, этот замысел сопровождал его всю жизнь.